

Пётр Сафронов

“УДАЛЯЯ ВСЯКУЮ ПЕСТРОТУ”:

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Изучение трансформаций отечественной образовательной среды на всех этапах её развития вызывает огромный практический интерес. Неоспоримо центральное положение в ней университетов. Текущее положение дел, характеризующееся слабостью коллективных форм самоорганизации в этой сфере, невозможно понять и объяснить вне исторического контекста. Можно уверенно предположить, что свойственные российским академическим интеллектуалам слабость саморефлексии и пассивность, отражающиеся в конечном счёте на продуктивности собственно исследовательской работы, имеют глубокие корни. После 1917 года численность преподавательской корпорации возросла многократно, но её самосознание стало гораздо более расплывчатым, чем до революции. Сформировался восполняющий эту рефлексивную лауну миф, опирающийся на во многом идеализированное представление об устройстве и деятельности высших учебных заведений и их кадрового состава в дореволюционную эпоху¹.

В основе разговора об академическом сообществе в России лежит неустрашимое подозрение по поводу его возможности. Причиной этого выступает недоопределённость сообщества в повседневной организации научно-образовательной деятельности, невоплощённость её в наборе совместно разделяемых техник и правил поведения. Существование академического сообщества до сих пор остается возвышенной иллюзией или недостижимым образцом, вместо того чтобы стать системой практик. В действительности же вместо сообщества мы имеем более или менее аморфную массу работников умственного труда, которую мы и называем академической средой. Характерным при-

¹ Следует отметить, что в последнее время появляются работы, свидетельствующие о том, что процесс развития отечественной университетской историографии набирает силу. См. напр.: *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. — М., 2000; *Вишленкова Е.А.* Казанский университет Александровской эпохи. — Казань, 2003; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. — М., 2006; *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX - начале XX века. — М., 2008; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. ТТ. 1-4. — М., 2002-2003. Тем не менее перечисленные работы не совсем свободны от идеализации предмета изучения.

знаком элементов академической среды является маниакальная подозрительность в отношении любых вариантов практического преобразования сложившейся ситуации. Академическая среда России представляет собой очаг сопротивления модернизационным процессам, причем сопротивления парадоксальным образом организованного в риторике модерна².

Решающий шаг в осмыслении реальных проблем современной университетской среды будет сделан тогда, когда произойдет переход от психологизирующих описаний отдельных личностей к анализу типичных форм (само)организации научного сообщества в его прошлом и настоящем в их политической, социально-экономической, культурной обусловленности, к социологии академического пространства. Развертывание данной исследовательской программы требует обеспечения доступности основных источников по истории русского университета, к числу которых, несомненно, относятся проект об учреждении Академии наук, указ об учреждении Московского университета, университетские уставы XIX столетия. Надо понять, какое прошлое сделало возможным такое настоящее.

В 1834 году по случаю открытия университета святого Владимира киевский генерал-губернатор получил от товарища министра народного просвещения уведомление с передачей царского повеления окрасить открываемое учреждение “тем цветом, каким окрашен Зимний дворец в Санкт-Петербурге, то есть под дикий камень, заметив, что этот цвет, удаляя всякую пестроту, есть самый приличный для большого здания”³. Приведенный памятник бюрократической переписки свидетельствует о состоянии высшей школы в дореволюционной России лучше иного объемного трактата. Доходящая до самых незначительных мелочей зависимость от верховной власти, отсутствие развитого самоуправления, безынициативность местной администрации — всё это неизменные составляющие университетского вопроса в Российской империи. Университет был детищем монархии, пусть не самым любимым, но опекаемым с железной неукоснительностью. Он был создан и взращен ею буквально на пустом месте. Иначе говоря, “университет ... не был вызван сознанием общества в необходимости высшего образования: его учреждала Верховная Власть для образования полезных деятелей на поприще государственной службы”⁴.

При таких условиях каждая попытка членов университетской корпорации заявить о своих правах принимала форму отстаивания тех или иных привилегий, связанных с чиновным званием. Уже в первые годы существования Московского университета стало заметно размежевание между академическими и бюрократическими интересами. Немногочисленные русские профессора вступили в яростный спор со своими иностранными коллегами по поводу занятия мест в университетской конференции (совете), требуя, чтобы места рас-

² Нас призывают к познанию, однако только к познанию прошлого (“традиций”, “достижений” и т.п.), забывая о том, что университетское дело вершится здесь и сейчас.

³ Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. — К., 1984. С. 17.

⁴ Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. — Саратов, 1893. С. 45.

пределялись по старшинству службы, а не по факультетам⁵. Тем самым корпоративный дух постоянно подавлялся законами чиновничества. Система дарования служебных преимуществ (ношение шпаги, зачетные учены в службу, казенный кошт) зачастую применялась и для привлечения в университеты слушателей⁶. Фактическое отсутствие питательной общественной среды приводило русские университеты к постепенному замыканию внутри собственных стен.

Благое желание Ломоносова сформировать преподавательский состав высшей школы из числа её собственных воспитанников⁷ с течением времени выродилось в огромную, неповоротливую, работающую на холостом ходу машину аттестации научных кадров. Причем присвоение ученых степеней опять-таки соединялось с представлением об обеспечиваемых ими чиновных привилегиях, строго соотносённых с Табелью о рангах. Ревниво охраняя престиж этих привилегий, учёное сословие всячески тормозило процесс ротации научно-преподавательского состава, что приводило к катастрофическому кадровому голоду⁸. “Вечной” проблемой русских университетов стал недостаток докторов наук⁹.

Трудности, с которыми было сопряжено развитие высшего образования в России, оказывались столь велики, что вызывали у наблюдательных современников устойчивое ощущение упадка университетов¹⁰. Сходное мнение возникало не только у представителей формирующейся общественной среды, но и у наиболее проникательных представителей государственной власти. Так, например, либеральный министр народного просвещения (в 1861-1866 гг.) А.В. Головин с горечью замечал, что университеты превратились в “питомники чиновников”¹¹.

Но, спрашивается, как они могли стать чем-то другим, если правительственная политика в области образования стремилась к тому, чтобы уничтожить саму возможность возникновения самостоятельного духа научного сообщества? Принцип академической свободы был весьма далек от воплощения в реальной жизни русских университетов. Известный деятель николаевской эпохи, министр народного просвещения (в 1833-1849 гг.) С.С. Уваров недвусмысленно утверждал, что “зло превыше всех прочих” заключено в мнении, будто “студенты составляют отдельное сословие, имеющее свои виды, свой голос и даже свои права”¹². Отказывая учащимся в праве сознать себя как единое целое, правительство неминуемо должно было отказать в таком праве и учащим, то есть преподавателям. Единственным показателем научной работы,

⁵ Шевырев С.П. История императорского Московского университета. Репринтное издание. — М., 1998. С. 56.

⁶ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802-1902. — СПб., 1902. С. 61.

⁷ См. об этом: История Московского университета. Т. 1. — М., 1955. С. 25 и далее.

⁸ См. об этом: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII-1917. — М., 1994; Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. — Л., 1983.

⁹ Иванов А.Е. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ См. напр.: Глинский Б.Б. Университетские уставы. // Исторический вестник. 1900, т. LXXIX. С. 324-351. С. 350.

¹¹ Цит. по: Соболева Е.В. Указ. соч. С. 178.

¹² Цит. по: Рождественский С.В. Указ. соч. С. 261.

обладания статусом ученого служило формальное наличие ученой степени¹³. Не приходится удивляться равнодушию преподавателей ко всему, что так или иначе выходило за пределы их служебных обязанностей. Эта беда обнаружилась тотчас после основания первого русского университета в Москве. Куратор И.И. Шувалов “жаловался на учителей и профессоров за недостаток деятельности”¹⁴.

Изменить что-либо в сложившейся ситуации правительство могло и в действительности постоянно пыталось только доступными ему административно-бюрократическими средствами. Важнейшим среди них было, разумеется, нормативное регулирование высшего образования, центральным элементом которого в XIX веке стали сменявшие друг друга университетские уставы **1804**, **1835**, **1863** и **1884** гг. Хронологическая последовательность уставов часто превращалась в “естественное” основание университетской историографии¹⁵. Обещая значительную аналитическую простоту, такой метод вместе с тем затемняет преемственность в осуществлении государственной политики в области высшего образования. Преемственность, парадоксальным образом наиболее отчетливо выступающую как раз в её колебаниях.

С этой точки зрения, нормативное регулирование университетских дел следует осмысливать в перспективе реакции имперской администрации на всё возрастающее общественное внимание к данной тематике, которое в свою очередь стало следствием ускоренного развития гражданской активности. Переломной точкой является рубеж **1850-1860**-х гг., сопровождавшийся острой публичной полемикой вокруг проекта нового университетского устава. Сам устав **1863** г. как бы завершает одну фазу в истории русского университета и начинает другую¹⁶. Принципиальное отличие заключается в публичном характере, который теперь принимает полемика вокруг университетского вопроса¹⁷. К числу заметных свидетельств нового духа безусловно относятся работы Н.И. Пирогова, исполнявшего в **1858-1861** гг. должность попечителя Киевского учебного округа.

Русские университеты, бывшие прежде лишь “копией германских университетов”¹⁸, начинали вести самостоятельное полнокровное существование, опираясь, тем не менее, уже на целый век собственной истории. Развитие университетского дела в России XVIII века сопровождалось постоянной шлифов-

¹³ См.: *Соболева Е.В.* Указ. соч. С. **38** и далее.

¹⁴ *Шевырев С.П.* Указ. соч. С. **62**.

¹⁵ Так, подход был, в частности положен П.Н. Милюковым в основание его статьи «Университеты в России» в словаре Брокгауза и Ефрона. // См.: *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. **68** полутом. — СПб., **1902**. С. **788-800**.

¹⁶ Вполне закономерно, что в это же время происходит и резкое обновление кадрового состава профессорско-преподавательского корпуса. См. об этом: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох. — М., **1985**. С. **109-110**.

¹⁷ Изменилось, безусловно, и “качество” публичности в целом. В упомянутой статье П.Н. Милюкова об этом говорится следующее: “Везде действие проявлялось корпоративно. Везде обнаруживалось понятие о достоинстве, значении и силе корпорации. Так, и поступкам насильственным, нарушавшим общественный порядок (имеются в виду студенческие беспорядки **1861** г. — П.С.), лежало в основании это же понятие, и как бы такой взгляд на коллективную личность корпорации не был бестолков и ложен, он совпадает с развитием мысли о личном достоинстве во всем образованном обществе...”. // Указ. соч. С. **792**.

¹⁸ *Глинский Б.Б.* Указ. соч. С. **335**.

кой тех черт, которые ярко проявились уже при его начале. Заметным отличием русского университета от его европейских образцов было, конечно, отсутствие теологического факультета. Не переоценивая меру идеологической самостоятельности университета, следует всё же заметить, что это, видимо, способствовало определённой самостоятельности суждений¹⁹. Другой родовой чертой русской высшей школы было тесное единство собственно образовательной и исследовательской деятельности, установленное уже в петровском проекте учреждения Академии наук. Вызванное первоначально необходимостью сформировать аудиторию, подготовленную к восприятию новейшего научного знания, оно затем привело к возникновению такого феномена как научная школа или направление, сосредоточенное вокруг университетской кафедры и лица, её занимающего. Следствием этого позднее стал крайний консерватизм вузовской науки²⁰.

Царское правительство было едва ли не вынуждено брать на себя роль активного участника университетской политики. Более того, именно имперская администрация зачастую становилась неожиданным источником наиболее радикальных предложений по реформированию высших учебных заведений. Чего стоит хотя бы тот факт, что в **1860** г. в заседании Главного правления училищ видный сановник, член Государственного совета барон М.А. Корф, выступил с предложением полностью “уничтожить все приемные и вступительные экзамены, предоставить всем желающим посещать лекции и держать испытания на получение ученых степеней”²¹. Вместе с тем, именно представители центральной администрации на местах наносили наиболее тяжелые удары по университетской автономии. Особенно разрушительны оказались результаты деятельности на посту попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого в **1820-1826** гг., последовательно внедрявшего репрессивные методы руководства университетским преподаванием²². Отрицательные итоги погромной тактики Магницкого и его единомышленников Д.П. Рунича, А.С. Стурдзы и др. стимулировали очередной виток в становлении образовательной политики государства, итогом которого стал устав **1835** г²³.

Обсуждение устава **1835** г. в целом носило кулуарный характер, не выходя за пределы узкого круга высшей бюрократии. В еще большей мере это справедливо для документов предшествующего времени. Выработка положений университетского устава **1804** г. происходила в узком составе специального

¹⁹ “Куратор (имеется в виду И.И. Шувалов – П.С.) подтверждал несколько раз Директору, чтобы цензура речей была бдительна и чтобы Профессоры-Ораторы не позволяли себе никаких дерзновенных выражений” // *Шевырев С.П.* Указ соч. С. 151.

²⁰ Так, например, за период с **1880** по **1910** гг. программы университетских курсов не претерпевали сколько-нибудь существенных обновлений. См.: *История Московского университета.* Т. 1. — М., 1955. С. 382.

²¹ *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 362.

²² См. об этом: *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 109 и далее.

²³ Министр народного просвещения в **1824-1828** гг. А.С. Шишков в **1826** г. так охарактеризовал причины кризиса: 1) недостатки существующих уставов, в которых упущена основная цель народного просвещения — “образование приспособленное к потребностям разных состояний”; 2) ограниченность сумм на содержание педагогического персонала; 3) недостаток общего и частного надзора за учебными заведениями; 4) привилегии лицеев и пансионов, отвлекающие юношество от университетов; 5) слишком долгий срок учения в гимназиях и низших училищах. См.: *Рождественский С.В.* Указ соч. С. 180.

комитета под председательством товарища министра народного просвещения М.Н. Муравьева. Этот же комитет занимался и подготовкой уставов Академии наук и Российской академии²⁴. Проект учреждения Московского университета в 1755 г. был фактически единоличной инициативой М.В. Ломоносова, который подготовил первоначальный текст, и И.И. Шувалова, внесшего в него определённые коррективы²⁵.

В деятельности лиц, причастных к университетскому вопросу постоянно обнаруживается противоречивое стремление добиться создания *национальной* высшей школы *европейского* образца. Наибольшей остроты это противоречие достигло в царствование Николая I, когда одновременно заявлялось, с одной стороны, стремление “основать образование русского народа на тех коренных началах, которые определяются его историей и составляют крепость его жизни”, а с другой — намерение “поднять и поставить университеты в уровень с современной европейской наукой”²⁶. Болезненная реакция правительства на попытки широкого обсуждения университетского вопроса²⁷ только усиливала общее впечатление несостоятельности проводившейся политики²⁸.

При подготовке университетского устава 1863 г. царское правительство внесло значительные изменения в стратегию действий. Проект устава обсуждался в широких общественных кругах. Он был переведен на английский, немецкий и французский языки. По официальному поручению К.Д. Кавелин был специально командирован для изучения постановки университетского образования в странах Европы²⁹. Однако, в конечном счете, подготовка устава сосредоточилась в Министерстве народного просвещения, под эгидой которого работала непосредственно занимавшаяся созданием текста документа комиссия Е.Ф. фон Брадке, а затем особое совещание под председательством графа С.Г. Строганова. В конце концов, возобладал традиционный бюрократический подход к образовательной политике, конкретное содержание которой снова оказалось поставлено в зависимость от личной воли императора и его окружения. Уже в начале 1870-х гг. были предприняты попытки по пересмотру основных положений устава 1863 г. В 1875 г. комиссия под председательством товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова приступила к разработке проекта нового устава, который был вынесен на рассмотрение Государственного совета в начале 1880 г.³⁰ Таким образом, либера-

²⁴ См. об этом: Уставы Академии наук СССР. — М., 1974.

²⁵ См. об этом: История Московского университета. Т. 1. — М., 1955. С. 19 и далее; Кулакова И.П. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке. // Отечественные записки, 2002, №2.

²⁶ Шевырев С.П. Указ соч. С. 468-469.

²⁷ Как это было в случае со статьей директора Педагогического института в Санкт-Петербурге И.И. Давыдова “О назначении русских университетов”, опубликованной в журнале “Современник” в марте 1849 г. См.: Рождественский С.В.. Указ соч. С. 262.

²⁸ Весьма выразительно звучит следующее мнение либерального публициста Г.А. Джаншиева: “Едва ли в какой отрасли государственного управления система форменной или официальной лжи была доведена в дореформенное время до такой степени законченности как в области университетской жизни и научного исследования” // Джаншиев Г.А. Из эпохи великих реформ. 5-е доп. изд. — М., 1894. С. 221-222.

²⁹ См. напр.: Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов. // Собрание сочинений. — СПб., 1899. Т. 3.

³⁰ ³⁰ См. об этом: Рождественский С.В.. Указ соч. С. 503 и далее.

лизм устава 1863 г. был по преимуществу внешним. В действительности правительство уже в 1860-е гг. было полно недоверия к принципам университетской свободы и исподволь нарушало его³¹.

Проблему университета нельзя смешивать с университетскими проблемами. Первая не сводится ко вторым и не исчерпывается ими, хотя понимание связи между ними является очень важным. Сколь угодно тщательная историческая реконструкция университетского вопроса не может и не должна подменить собой философии университета, которая как раз и занимается проблемой в её целостности³². Упущение из виду проблемы университета как такового чревато утратой ясного представления о месте этой институции в культуре. Университет тогда содержательно живёт на чужих хлебах, но при этом формально претендует на сохранение самостоятельной значимости. Поддержание автономии в таком случае происходит за счёт внеконцептуальных ресурсов: риторических, административных, финансовых. Соответствующая стратегия в краткосрочной перспективе может быть и часто действительно является достаточно эффективной. Однако в долгосрочной перспективе она фактически абсолютно уничтожает своеобразие университета как своеобразного феномена культуры, иногда получая взамен позиционный выигрыш.

Возрождение, возвращение или даже создание заново философии университета возможно только при условии знания о том, чем был университет и о том, чем он не был и/или не смог стать. Университет в императорской России был в первую очередь местом подготовки к государственной службе. К службе государству в той или иной форме фактически готовил и университет советский. В этом смысле и до революции и после неё власть демонстрировала сходное понимание задач университета³³. Университет в России не был и/или пока не смог стать репрезентацией профессионального сообщества. Он всегда оставался не более чем средой, благоприятной в отдельных своих частях, но разобщённой и пронизанной логикой взаимной подозрительности.

Не пора ли признать, что определённая форма существования университета исчерпала себя? Не будет ли борьба за сохранение **status quo** только маскировкой отсутствия подлинного университетского (само)сознания? Обсуждать подобные вопросы имеет смысл тогда, когда будет открыто и честно признан упадок, переживаемый российскими университетами сегодня³⁴. Университет в настоящий момент не в состоянии указать, что определяет его

³¹ Методы руководства, например, в Киевском учебном округе характеризует документ 1865 г., рекомендуемый “приискать благонадёжного человека, который, оставаясь неизвестным для студентов, мог быть употребляем для наблюдений по указанию”. // Киевский университет. Документы и материалы. 1834-1984. — К., 1984. С. 32.

³² См. напр.: *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета. — Минск, 2005; *Ясперс К.* Идея университета. — Минск, 2006.

³³ Примечательно мнение В.И. Ленина, зафиксированное заместителем наркома просвещения М.Н. Покровским: “Ленин отнюдь не собирался расставаться со старым живым аппаратом российских университетов”. (Цит. по: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. — М, 1988. С. 37). Обращает на себя внимание подчеркнуто бюрократическое словоупотребление. Получается, что университет — это прежде всего аппарат, то есть администрация.

³⁴ Тем более, что, как следует из предшествующего изложения, чувство упадка уже не раз сопровождало обсуждение проблемы университета в России.

своеобразие. Вопрос “почему университет?”, “зачем университет?” не имеет сейчас очевидного ответа. Это не означает, что мы в принципе лишены возможности дать на него какой-либо ответ. Но такой ответ может быть дан только в движении вперед в поиске новых форм существования. Движении, памятуя о великом прошлом, но не оглядываясь на него.

Катализатором движения вперёд, своего рода экспериментальной площадкой могут и должны стать формирующиеся внутри университетов активные группы, связанные воедино совместной разработкой общих проектов³⁵. Организация такого сотрудничества предполагает преодоление любых вариантов логики жёсткого “разделения” на преподавателей и студентов, “взрослых” и “детей”, “начальников” и “подчинённых”. Прежде любого различия в статусах все члены университетской корпорации – коллеги, занятые общим делом. Не существует отдельных “дел” студентов, преподавателей или администрации. Очевидно, что такая концепция имеет предпочтительные шансы на реализацию в небольшом или среднем по размерам учебном заведении.

Университет в целом превращается в своего рода координационное “депо” неопределенного множества проектных групп. Коммуникация между ними может обеспечиваться на основе единых стандартов профессиональной этики, выражающей корпоративное представление о социальной ответственности академического сообщества. Высшая школа в таком случае не столько дает знания, сколько специфическим образом организует обстановку, пригодную для их извлечения из совместной интеллектуальной деятельности. Причем качество знаний оценивается не по их “фундаментальности”, а по качеству удовлетворения познавательных потребностей участников процесса. Такое удовлетворение может быть достигнуто только в процессе доверительного совместного обмена идеями, которые циркулируют в сообществе и одновременно создают основание для его существования.

Состоится ли университет нового типа в России, зависит от того, насколько удастся преодолеть господство старых мыслительных схем. Для этого нужно создавать, развивать и стимулировать практики, в которых будут самоопределяться учёные-профессионалы. Воля к совместности, проявленная в активизме внутри и вне научно-образовательного пространства, должна рассматриваться как главная составляющая университетского образования. Общественный активизм профессионального академического интеллектуала проявляется прежде всего в установке на продуктивную критику действующих оснований и условий воспроизводства своей деятельности. Университет становится актуальной проблемой в работе составляющих его членов. Мерой этой “самоактуальности” является готовность членов университетской корпорации совместно обсуждать болевые точки сложившейся ситуации. Обсуждать, располагая хорошим знанием истории.

³⁵ В сходных терминах описывают будущее университета авторы концепции так называемого “академического капитализма”. Однако в их представлении проектная ориентация необходима для извлечения прибыли из университетского “предприятия”, что для нас является второстепенной целью. См: *Slaughter S., Leslie L.L. Academic capitalism. Politics, Policies, and the Entrepreneurial University.* — The John Hopkins University Press, 1997.